

Александр Иванович Куприн

Типографская краска

Александр Иванович Куприн

Типографская краска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2546065

Аннотация

«Кадетом я писал стихи. Надо признаться теперь, что были они подражаниями Г. Гейне в переводе Михайлова и были очень плохи. О последнем я не сам догадался, а мне сказал молодой, довольно известный поэт Соймонов, когда меня к нему привел почти насильно мой шурин вместе с моими стихами. Нет! Мне не пришло в голову, что поэт зол или завистлив. Я просто перестал писать стихи, и – навсегда...»

Александр Иванович Куприн Типографская краска

Кадетом я писал стихи. Надо признаться теперь, что были они подражаниями Г. Гейне в переводе Михайлова и были очень плохи. О последнем я не сам догадался, а мне сказал молодой, довольно известный поэт Соймонов, когда меня к нему привел почти насильно мой шурин вместе с моими стихами. Нет! Мне не пришло в голову, что поэт зол или завистлив. Я просто перестал писать стихи, и – навсегда.

Будучи потом юнкером Александровского училища, я ударился в прозу. Я дерзнул на нее потому, что очень легко и быстро писал классные сочинения для себя и для товарищей.

Между прочим, написал я рассказ «Последний дебют» из закулисной театральной жизни, которую, впрочем, никогда не видел и ничего о ней не знал. К этому меня поощрил другой московский поэт – старый, добрый, всегда восторженный Лиодор Иванович Пальмин, наш сосед по даче в Краскове.

В то лето я был «безумно» влюблен в старшую из трех сестер Синельниковых, в полную волоокую Юленьку – Юлию Николаевну. Ей я решил посвятить мою будущую новеллу. Правее и немного выше заглавия я сделал надпись:

«Посв. Ю. Н. Свой». Полного имени своего я под новел-

лой не писал; поставил просто: Ал. Крин.

С нетерпением ожидал я появления моей новеллы, которую принял для просмотра «Русский сатирический листок» Н. Соедова. Ждать пришлось довольно долго. Наконец наступил вечер одного воскресенья, в которое я был наказан без отпуска за единицу по фортификации. Юнкера приходили один за другим и являлись к дежурному. Пришел, наконец, и мой товарищ Венсан, которого я попросил заглянуть в два-три журнальных киоска. В руках у него был толстый сверток.

– Поздравляю! Есть!

Я развернул два номера «Листка», и каждый с моей напечатанной новеллой.

О, волшебный, скипидарный резкий запах свежей печати! Что сравнится с ним в самых лучших, в самых драгоценных воспоминаниях писателя? Он пьянее вина и гашиша, он ароматнее всех цветов и духов, он сладостнее первого поцелуя... В душу мою вторгнулся такой ураган радости, что я чуть было не задохнулся. Чтобы утишить бурное биение сердца, я должен был перепрыгнуть поочередно через каждую койку в моем ряду туда и обратно. Я пробовал читать мою новеллу товарищам вслух, но у меня дрожал и пресекался голос, черные линии букв сливались в мутные пятна. Я поручал читать ближайшему юнкеру, но мне его чтение казалось совсем невыразительным, и я отнимал от него журнал.

О, незабвенный вечер!

На другой день я познал и шипы славы. Не знаю, каким образом узнал о моем триумфе ротный командир Дрозд (юнкера не были болтливы). После утренней переключки он командовал:

– Юнкер Куприн!

– Я, господин капитан.

– До меня дошло, что ты написал какую-то там хреновину и напечатал ее?

– Так точно, господин капитан.

– Подай ее сюда!

Я быстро принес журнал. Я думал, что Дрозд похвалит меня.

Он поднес печать близко к носу, точно понюхал ее, и сказал:

– Ступай в карцер! За незнание внутренней службы. Марш...

Ах, я совсем позабыл тот параграф устава, который приказывает каждому воинскому чину все написанное для печати представлять своему ротному, тот передает батальонному, батальонный – начальнику училища, а одобрение, позволение или порицание спускается в обратном порядке к автору.

Я пошел под арест. Я не унывал. У меня сохранился второй экземпляр. Я прочитал его множество раз про себя и, наконец, не удержался, прочитал вслух сторожившему меня

солдату.

– Ну? Как?

– Здорово, – ответил часовой. – Тольки ничего не понять.

И еще огорчало меня одно обстоятельство: первые опечатки в первом сочинении, да еще в самых чувствительных местах. Вместо Ю. Н. С. было напечатано Ю. И. С., а вместо Ал. Крин – А. Н. Крин.

– Пройдет незаметно, – думал я. – Юленька поймет.

Да, она поняла.

По выходе из карцера я послал ей уцелевший номер с извещением, что моя новелла посвящается ей.

Я получил от нее убийственную записку:

«Вот так ваше посвящение! Во-первых, сочинение вовсе не вами написано, а во-вторых, оно посвящено вовсе не мне. Я не хочу вас больше видеть и на ваш училищный бал не приеду».

И – злая – не приехала-таки на наш блестящий юнкерский бал. Приехали ее младшие сестры Оленька и Любочка! В Оленьку я с горя и решил влюбиться на этом балу и к концу его действительно пылал, как Этна.